

ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА

(2. VI. 1904 --2. VI. 1914)

Антон Чехов и А. С. Суворин

Ответные мысли

* * *

Редактирование и подготовка текстов: В. П. Бахметьев, А. Е. Коробанов, А. Е. Тишанинов.
OCR: Слава Неверов (slavanva\$yandex.ru)

В течение 1913 года я получал очень много писем, предлагавших мне высказаться печатно о взаимных отношениях А. С. Суворина с А. П. Чеховым. В последнее время количество таких писем значительно увеличилось. Тон некоторых из них звучит уже не предложением, а требованием, а в двух я прочел дословно, что будет нехорошо, если я не напишу о Чехове и Суворине.

Берусь за эту задачу с величайшею неохотой. Вопрос об отношениях таких больших людей, как А. С. Суворин и А. П. Чехов, и их взаимовлиянии есть вопрос исторический. А исторические вопросы должны исторически же решаться. А для исторического разрешения этого исторического вопроса мы, современники обоих писателей, имеем еще слишком мало фактических данных, критически проверенного материала, потому решительно все, что сейчас пишется о Суворине и Чехове, не выходит за пределы априорного импрессионизма. И естественное дело: там, где еще не произведен строгий, опытный анализ, можно ли ждать дельного синтеза?

Я, равным образом, не обещаю к освещению этих отношений ничего, кроме личных впечатлений, которые, быть может, имеют перед некоторыми другими лишь два преимущества. Являются: 1) впечатлениями человека, знавшего и любившего обоих писателей; 2) впечатлениями, потерявшими всякую страстность и личный интерес, за давностью, отделившую меня от обоих писателей. С А. С. Сувориным я расстался 15 лет назад. За этот промежуток виделся с ним только однажды, в 1904 году -- свиданием, очень любопытным и важным для личной характеристики А. С., но не имевшим никакого отношения к его общественной роли. Я не считаю себя вправе оглашать этот ночной разговор. Скажу лишь кратко, что весь он был посвящен семейному делу, волновавшему тогда А. С. Суворина: раздорам между ним и старшим его сыном Алексеем Алексеевичем, основателем "Руси". Нахожу должным прибавить, что в разговоре этом Алексеем Сергеевичем не было сказано ничего, что могло бы бросить дурную тень на Алексея Алексеевича и дурно характеризовать самого старика.

Итак, А. С. Суворин для меня -- воспоминание пятнадцатилетней давности. Чехов уже десять лет лежит в гробу, и после 1898 года я, кажется, уже его не встречал, хотя именно в этот период между нами окрепли очень хорошие отношения по письмам. О Чехове я так много писал, что мне нечего распространяться о том, как глубоко я люблю и уважаю этого великого и мудрого писателя. Для меня Чехов -- самая святая из святынь русской литературы, непосредственно примыкающая к Пушкину и Лермонтову, любимая, как Салтыков, стоящая рядом с Достоевским и Толстым, и, для нашего поколения, во многом выразительнейшая и нужнейшая даже обоих последних. Прибавлю к этому, как человек, знавший Чехова, то вблизи, то издали, почти четверть века, -- что громадный талант и тончайший ум совмещались в нем с великою душою, беспредельною сердечностью без фраз и громких слов, с твердым и ясным характером, красота которого будет раскрываться с годами все в новых и в новых светах. Потому что при жизни истинный Чехов был скрыт от громадного большинства своих поклонников (не говорю уже о врагах!) за тою, знающею себе цену, скромностью мудрого наблюдателя-молчальника, которая создавала ему среди близоруких людей репутацию человека замкнутого, скрытного, гордого, даже сухого. Заглянув в нее, и не заметишь, как напишешь целую статью. А я уже достаточно рассказывал о том в своих "Славных мертвецах".

Вот почему мне всегда почти оскорбительно читать те статьи, те *vies imaginaires*, которых неловкое доброжелательство (опять-таки, не говорю уже о явном или скрытом доброжелательстве) старается раздробить поразительную цельность личности Чехова искусственным делением его биографии на три периода, будто бы резко различные между собою: Антоша Чехонте, суворинский Чехов, Чехов либеральных дружб и московского Художественного театра. Неправда это. Не было трех Чеховых. Был он